

Реализация смысла пословицы в художественном тексте

OLGA ABAKUMOVA, *Universidad de Orel*
abakumova-ob@mail.ru

RESUMEN

El artículo está dedicado a los problemas en el uso de los refranes en un texto literario. Se propone un modelo cognitivo-discursivo de actualización del sentido del refrán en el discurso, el cual permite revelar lo que el autor quiere comunicar al lector mediante el desarrollo del sentido del refrán en el contexto, lo que constituye el resultado de la interacción entre la semántica del refrán y la estrategia comunicativa del que habla/escribe.

Palabras clave: refrán, texto literario, cognición, discurso, estrategia comunicativa, sentido del refrán en el contexto

Realization of the Meaning of a Proverb in the Literary Text

ABSTRACT

This paper focuses on problems of the use of proverbs in texts of fiction. A cognition-discourse model of the proverb's sense activation is presented which helps to reveal the author's message through the proverbial scenario activated in the context and resulting from both the proverb's semantics and the author's communicative strategy.

Keywords: proverb, fictional texts, cognition, discourse, communicative strategy, proverbial scenario.

Статья посвящена проблемам функционирования и употребления пословиц в художественном тексте, их использования и понимания.

Включение идентифицируемого слова во внутренний (перцептивный, когнитивный, аффективный) контекст во взаимодействии с внешним (вербальным, ситуативным) контекстом описывается А. А. Залевской через спиралевидную модель, с помощью которой показывается формирование проекции текста у индивида как результирующей множества внешних и внутренних факторов, проявляющихся на разных уровнях опознаваемости (Залевская, 2000: 247). Представляется, что сказанное о слове справедливо и в случае функционирования в тексте пословицы, которая, как и фразеологизм, традиционно используется в художественном тексте для выделения главных тем и идей произведения, характеристики персонажей и событий, выражения авторского отношения и расстановки акцентов.

Для анализа функционирования пословиц в тексте мы предлагаем использовать когнитивно-дискурсивную модель, которая является обобщением теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса (Habermas, 1987), референциально-ролевой грамматики Р. Ван Валина и У. Фоли (Ван Валин и Фоли, 1982, Van Valin, 1993) и модели метафорического преобразования окказиональных фреймов Т. С. Зевахиной (Зевахина, 2002).

В своей теории коммуникативного действия Ю. Хабермас объединяет теорию речевых актов с витгенштейновским понятием фоновых знаний и конструирует понятие жизненного мира. Это дает ему возможность дифференцировать коммуникацию, ориентированную на понимание, от коммуникации, целью которой является успех, то есть использование слушающего без учета его интересов. В контексте коммуникативного действия речевой акт должен отвечать претензиям на

понятность (грамматически правильное оформление), на истину (соответствие фактам действительности), на искренность и на правильность. Типология речевых актов по Хабермасу включает четыре класса: 1) коммуникативный, который служит выражению прагматического смысла высказывания; 2) константивный, связанный с пропозицией, выражающий смысл при когнитивном использовании языка; 3) репрезентативный, представляющий говорящего в речи при экспрессивном использовании языка; 4) регулятивный, выражающий смысл при intersubjectivном взаимодействии.

Каждой группе речевых действий в соответствии с их прагматической функцией присуща характерная значимая претензия на понятность, истинность, правдивость и правильность. Несмотря на то, что в зависимости от ситуации те или иные претензии могут оказаться приоритетными, в каждом речевом выражении присутствует весь их спектр.

Дискурс понимается нами вслед за Ю. Хабермасом как «рефлексивная форма коммуникативного действия, которая возникает в случае, если между участниками происходят разногласия, что заставляет их трансформировать свои точки зрения и подтверждать правильность своих убеждений аргументами. Главное условие – разумность участников и признание каждым из них точки зрения противника как равно возможной и достойной рассмотрения (Habermas, 1987). Целью дискурса, по мнению Ю. Хабермаса, является достижение консенсуса.

Американский исследователь Н. Норрик (Norrick, 1994), занимаясь изучением функционирования пословиц в речи, определяет их как воспроизводимые и инвентаризованные лингвистические единицы и в то же время единицы фольклора. Используя пословицы, говорящий скрывает свои истинные мотивы и заставляет слушающего искать дополнительные смыслы своего высказывания. Н. Норрик пришел к выводу, что пословицы способствуют достижению истинного или мнимого консенсуса, а речевые акты с использованием пословиц представляют собой косвенные речевые акты, поскольку говорящий, призывая на помощь традицию и опыт народа, фиксированный в пословицах, исчезает как индивидуальный директивный агент, скрывает свои истинные чувства и навязывает слушающему социальные санкции, заставляя реагировать определенным образом.

Паремии – устойчивые высказывания, которые обработаны веками употребления в масштабах всего языкового социума, передаваясь из поколения в поколение, получили статус удобных инструментов коммуникативно-когнитивной деятельности народа (Зевахина, 2002). Т. С. Зевахина так описывает процесс использования пословицы в речи. В ходе производства высказывания реальная ситуация физического, социального и ментального мира подвергается процедуре осмысления (семантизации, вербализации) на основе образа прототипической ситуации. В ходе же понимания высказывания, наоборот, происходит движение из семантического мира в реальный: образ прототипической ситуации служит основой для выделения реальной ситуации, отвечающей требованиям данного типа вербальной метафоры.

При моделировании употребления паремических единиц в реальном общении Т. С. Зевахина исходит из идеи множественности конкретных фреймов (в понимании М. Минского). Она различает образный фрейм, показывающий структуру исходного ситуационного образа и задающий класс стереотипных ситуаций, окказиональные

фреймы, отражающие структуру случаев конкретных ситуаций, и обобщенный фрейм, структурирующий абстрактные знания о классе стереотипных ситуаций. Происходит метафорическое преобразование конкретных фреймов: от окказионального через обобщенный к образному. Метафорическое преобразование можно рассматривать как заполнение позиций образного фрейма узлами конкретного окказионального фрейма.

Предлагаемая модель анализа функционирования пословиц, обобщающая приведенные выше теории, была применена нами для описания использования пословицы в бытовом диалоге (Абакумова, 2009) и в медийном дискурсе (Абакумова, 2010). В данной статье мы опишем функционирование пословицы в художественном тексте на материале повести А. П. Чехова «Моя жизнь», где используются четыре пословицы, одна из которых специально создана автором для передачи главной мысли произведения.

Художественный текст определяется нами вслед за В. Г. Адмони как «возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника душевное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания» (Адмони, 1994), которое осуществляется средствами национального языка, отражающего как универсально-человеческий, так и национально-культурный опыт народа.

В этой работе мы проследим актуализацию смысла пословицы в тексте и покажем, что она обычно становится компонентом его семантической макроструктуры.

Понятие макроструктуры текста было введено Т. ван Дейком для описания глобального содержания и глобальной связности текста/дискурса. Макроструктуры – семантические единицы, состоящие из макропропозиций, которые выводятся из ряда пропозиций, выраженных предложениями дискурса по определенным макроправилам, включающим опущение, обобщение и построение (см. Дейк, 2000:42-45). Пословица, понимаемая как фразеологизм с структурой предложения, имеющая в своем значении идею всеобщности и включающая в свою семантику рекомендацию или совет (см. Баранов, 2008: 69), традиционно используется в художественном тексте для выделения главных идей произведения, для характеристики персонажей и мотивировки событий, для передачи отношения к описываемому, раскрытия подтекста, расстановки акцентов (см. Арнольд, 1973: 173). Всё выше сказанное позволяет предположить, что пословицы, а точнее их пропозиции, входят в семантическую макроструктуру текста.

Эпизод 1. Коммуникативная ситуация включает описание жизни семьи архитектора, дворянина по происхождению, но мещанина по сути в маленьком провинциальном городке. Жизнь в этом городе скучна и бездарна, люди погрязли во взяточничестве, безделье, карточных играх, сплетнях, лицемерии и ханжестве. Общественная ситуация характеризуется нестабильностью, недовольством качеством жизни, которое прослеживается у представителей дворянской интеллигенции, искренних, честных, но слабых людей, неспособных найти свое место в жизни. Рассказчик, сын архитектора, говорит:

У нас в доме часто повторяли: “деньги счет любят”, “копейка рубль бережет” и тому подобное, и сестра, подавленная этими пошлостями, старалась только о том, как бы сократить расходы, и оттого питались мы дурно.

Пословицы в данном случае используются для характеристики отца главного персонажа, передачи атмосферы, которая царит в доме. В них содержится система ценностей главы семьи, передается оценка домашней ситуации, в которой росли главный герой и его сестра.

Kommunikativa. Претензии на понятность. Отец использует пословицы, хорошо известные прислуге и детям, чтобы манипулировать сознанием детей, заставить их довольствоваться малым, чувствовать постоянную зависимость от отца, формируя в них таким образом неуверенность в себе. Это инструментальная стратегия по Ю. Хабермасу.

Konstantiva. Претензии на истину. Отец претендует на истину, хотя его поведение не соответствует его социальному статусу и реальному материальному достатку семьи.

Пропозиции пословиц содержат предикаты «любить (счет)» и «беречь».

Логическая структура: кто/что? любит что? и кто?/что? бережёт что?

Семантический класс глагола: Любить – 2) Иметь склонность, пристрастие к чему-либо» - нелокативное состояние (state); Беречь – 1. Не тратьте, не расходовать что-то напрасно; 2) Охранять от кого-чего -нибудь, хранить - контролируемое действие.

Тематические отношения: деньги (экспериментер на уровне образного фрейма и пациенс на уровне обобщенного фрейма), счет (тема); копейка (агенс на уровне образного фрейма и эффектор на уровне обобщенного значения), рубль (пациенс).

Макророль: деньги – актер, счет – претерпевающий; копейка – актер, рубль – претерпевающий.

На уровне окказионального фрейма моделируется ситуация, когда говорящий призывает слушающего экономить деньги, тщательно их пересчитывать, поскольку бережное отношение к деньгам увеличивает их количество. Неодушевленные субстанции (деньги, копейка) переосмысляются как одушевленные, неконтролируемое действие и состояние переосмысляются как контролируемые.

Оператор времени: форма настоящего времени несовершенного вида указывает на постоянно присущее объекту/субъекту качество, состояние, действие (Виноградов 1972).

Оператор модальности: модальность эпистемическая и деонтическая, выражается мнение о необходимости бережного отношения к деньгам.

Оператор иллокутивной силы: ассертив (утверждение о том, что деньги сохраняются и их количество увеличивается, только если их аккуратно считать и не расходовать напрасно); и косвенный директив (побуждение, призыв считать деньги, то есть экономить, не тратьте понапрасну).

Прагматический пик – деньги, копейка, они же - фокус интереса говорящего.

Representativa. Претензии на искренность. Говорящий неискренен, так как призывает прислугу и детей отказывать себе во всем ради сохранения денег.

Regulativa. Говорящий считает себя правым, так как следует нормам благоразумия, содержащимся в пословицах (Следует быть экономным), не осознавая, что экономит на здоровье собственных детей.

Эпизод 2.

Пословица **Что посеешь, то и пожнешь** используется отцом главного персонажа в кульминационной части повести, когда сын приходит к отцу сообщить о близкой

смерти сестры, умирающей от туберкулеза, а отец отказывается дать денег на лечение, мотивируя свой отказ непослушанием сына и его дурным влиянием на сестру. В результате сестра умирает и оставляет ребенка на руках у брата.

Через слова-компоненты (см. Жуков, 2008) *сеять* и *жать* воспринимающий текст выходит на образный фрейм «сельско-хозяйственные работы», где эти два вида деятельности связаны причинно-следственными отношениями: результат деятельности (урожай, жатва) зависит от качества семени, брошенного в землю, если брошено гнилое семя, урожая не может быть. Через переносное значение слова-компонента *сеять*, которое имеет сочетаемость со словами *знания*, *добро*, *раздор*, *настроения*, сознание воспринимающего выходит на обобщенный фрейм, который связан с *идеей всеобщности*. Г. Л. Пермяков считал, что в основе семантики пословиц лежит суждение или побуждение, а в сложных случаях и суждение, и побуждение (Пермяков, 1970). В данном случае суждение можно сформулировать следующим образом. Если объект приложения деятельности изначально обладает каким-либо признаком, то и результат деятельности будет связан с этим признаком. Данная пословица обычно применяется для описания отрицательного результата деятельности. Отрицательная оценка не вытекает из логики событий, которые не предполагают обязательно отрицательный результат деятельности. Отрицательная оценка обусловлена культурной традицией, которая связывает данную пословицу с неуспешной ситуацией.

Kommunikativa. Претензии на понятность. Пословица используется отцом три раза: в начале его монолога, в середине и в конце, то есть занимает все сильные позиции текста (в данном случае наиболее значимого фрагмента). Отец выбирает инструментальную стратегию речевого поведения, которая предполагает коммуникацию без учета интересов слушающего. Жесткий отец, бездарный архитектор, прячущийся от жизни за свои чертежи дач с готическими окнами и башнями с толстыми стенами, превративший свою жизнь и жизнь детей в тюрьму, потому что сам никогда не получал удовлетворения от своей работы, считает сына виновным в том, что он осмелился выбрать профессию, несоответствующую его дворянскому происхождению, отказался от наследства и теперь сам не может ни обеспечить себя, ни помочь сестре, которая родила ребенка вне брака и теперь умирает от туберкулеза.

Konstantiva. Претензии на истину. Говорящий претендует на истину, так как формально он кажется правым: оставившие дом дети, послушавшиеся отца, оказались в бедственном положении. Пропозиция выражена предикатами *сеять* и *жать*.

Семантический класс глаголов: causative achievement (каузирванное достижение) (см. Van Valin, 1993 или Кибрик, 2005).

Логическая структура глаголов представляет двухместный предикат: кто? посеет что? и кто? пожнет что? Это контролируемая деятельность [см. Van Valin, 1993, Кибрик, 2002].

Тематические отношения: ты (агенса) что/то (тема). Глагол *сеять* переосмысливается на уровне обобщенного значения и влечет за собой переосмысление глагола *жать* (пожинать плоды собственной деятельности).

Оператор времени: форма будущего времени совершенного вида передает значение обычного постоянного результата (Виноградов, 1972: 452).

Макророли: ты (актор) что/то (претерпевающий).

Модальность: эпистемическая, так как говорящий убежден в своей правоте, и аксиологическая, так как отрицательно оценивается ситуация, если человек, который сам виноват в неуспехе своей деятельности, жалуется и просит помощи. В пословице имплицитно содержатся *деонтические нормы* (Следует быть осторожным и предвидеть результат своих действий. Следует отвечать за свои поступки), которые могут реализоваться в качестве косвенного директива или привести к эксплицитному директиву.

Иллокутивная сила: ассертив (*Ты сам виноват в своих проблемах*) и косвенный директив (*Уходи*).

Прагматическим пиком является объект «сеяния» и «жатвы», нечто, что не называется в тексте пословицы, но актуализуется в конкретной ситуации ее использования, в данном конкретном случае это непослушание, за которым следует несчастье.

Representativa. Претензии на искренность. Отец неискренен: ему жаль детей, но он следует своим жестким принципам, «традициям предков», которые не позволяют ему отделиться естественному человеческому чувству, отцовской любви и милосердию. Отец привык жить во лжи, лицемерии и ханжестве. Его оценка ситуации, когда он видит «блудного» сына, пришедшего просить за сестру, резко отрицательная. Он, не колеблясь, отказывает сыну (*Передай и своей безнравственной сестре, что вы от меня ничего не получите. Можешь уходить откуда пришел! Я справедлив, все, что я говорю, полезно, и если ты хочешь себе добра, то ты должен всю свою жизнь помнить, что я говорил тебе и говорю*). В пословице содержится косвенный директив, который позже вербализуется в его речи.

Regulativa. Претензии на правильность. Отец позиционирует себя как человек, проживший жизнь и имеющий право давать советы своим детям. Используя одну и ту же пословицу три раза, он хочет спрятаться за авторитет народной мудрости и уйти от ответственности за резкое выражение своего неприятия поведения сына. Он считает нормой свою скучную, бездарную жизнь, прикрываясь ложно понятым чувством долга. Он не замечает своей вины в случившемся, своего невнимания к нуждам детей, которые искренне пытались жить честно, найти смысл жизни, получать радость от жизни, но были слишком слабы, чтобы за нее бороться. Он игнорирует нормы взаимодействия (Люди должны помогать друг другу. Нельзя причинять вред своим), нормы контакта (Следует быть честным, думать об интересах других).

В пословице, которую он трижды использует, имплицитно содержится косвенный директив: *Следует заранее предвидеть последствия своих поступков, Нужно быть осторожным, Нужно отвечать за свои поступки*. На первый план выходят нормы безопасности и нормы контроля (о нормах в семантике пословиц см. Карасик 2004).

Эпизод 3.

Главную мысль произведения писатель также выражает через пословицу, которую сам создает и вкладывает в уста талантливого мастера из народа Редьки, непрактичного и не умеющего делать деньги, но большого мастера своего дела, творческого человека, и тоже использует ее три раза: *Тля ест траву, ржа – железо, а лжа – душу*.

Kommunikativa. Претензии на понятность. Пословица, созданная народом, всегда понятна носителям данной культуры. Мастер Редька реализует коммуникативную стратегию, нацеленную на взаимопонимание и совместную деятельность.

Konstantiva. Претензии на истину. Мастер высказывает свою точку зрения, которая соответствует истинному положению дел. Пропозиция выражена предикатом «есть».

Логическая структура: кто?/что? ест что?

Семантический класс глагола: есть – 1) Принимать пищу, употреблять пищу; 2) Разрушать химически, - каузативная деятельность (causative activity), переосмысляемая как каузативное достижение (causative achievement).

Тематические отношения: *тля, ржавчина, ложь* (агенса и эффектора), *травы, железо, душа* (пациенса). Неодушевленные сущности переосмысляются как одушевленные, персонифицируются, деятельность мыслится как достигающая своего предела и переосмыляется как неконтролируемая.

Макророль: *тля, ржавчина, ложь* – актер, *травы, железо, душа* – претерпевающий.

Оператор времени: форма настоящего времени несовершенного вида передает семантику постоянно присущего субъекту/объекту качества, действия, состояния.

Модальность эпистемическая или даже алетическая, так как выражает мнение, соответствующее реальному положению дел и законам природы.

Иллокутивная сила: ассертив (*ложь разъедает души людей*) и косвенный директив (*нужно быть честным*).

Прагматический пик – *ложь*.

Expressiva. Претензии на истину. Мастер искренне полагает, что *ложь, ханжество, лицемерие* разрушает людей изнутри.

Regulativa. Претензии на правильность. Мастер из народа не рассуждает о нравственности, он просто ведет себя как высоко нравственный человек, соблюдая социальные нормы (*Следует быть честным*), веруя в высшую справедливость и призывая к этому других. Косвенный директив, имплицитный пословицей, находит эксплицитное выражение в словах мастера: «*Господи, спаси нас грешных!*»

Мы рассмотрели три эпизода использования пословиц в художественном тексте, которые в первом случае характеризуют антигероя и атмосферу в его доме, подготавливающие дальнейшие события. Во втором эпизоде, соответствующем кульминации повести, пословица связана с основным конфликтом между главными персонажами и является выражением позиции отца по отношению к «блудному» сыну. Третий эпизод расставляет акценты и передает главную мысль автора имплицитно стремящегося предупредить читателя против опасности лжи в человеческих отношениях, как в семейной, так и в общественной жизни. Все выше сказанное дает право утверждать, что пословица в художественном тексте входит с его семантическую макроструктуру, поэтому необходимо очень внимательно относиться к пониманию пословиц в тексте, особенно, если они употребляются в сильных текстовых позициях (начало, конец, кульминация). При чтении текста на иностранном языке также необходимо в первую очередь обращать внимание на пословицы, так как они помогают правильно понять текст и уловить послание автора, его косвенный директив по отношению к читателю.

REFERENCES

- Адмони, В. Г. (1994). *Система форм речевого высказывания*. Санкт-Петербург.
- Арнольд, И. В. (1973). *Стилистика современного английского языка*. Ленинград: Просвещение.
- Абакумова, О. Б. (2009). Пословицы в бытовом диалоге/дискурсе. *Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности*. Сб. научных трудов, Вып.4. Нижний Новгород, 5-11.
- Абакумова, О. Б. (2010). Пословица в медийном дискурсе. *Вестник Томского государственного университета*, №330, ТГУ, 7-11.
- Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. (2008). *Аспекты теории фразеологии*. Москва: Знак.
- Виноградов, В. В. (1972). *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Москва: Высшая школа.
- Дейк Ван, Т. (2000). *Язык. Познание. Коммуникация*. Благовещенский гуманитарный колледж им. И.А.Бодуэна де Куртенэ.
- Жуков, А. В. (2008). *Очерки по фразеологической семантике*. Великий Новгород.
- Залевская, А. А. (2000). *Введение в психолингвистику*. Москва: Росс. гос. гуманитар. ун-т.
- Зевахина, Т. С. (2002). Метафора мёртвая и живая. *Труды международного семинара «Диалог.2002»*. [www.dialog-21.ru].
- Карасик, В. И. (2004). *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Москва: Гнозис.
- Кибрик, А. А., Плунгян, В. А. (2002). *Функционализм. Современная американская лингвистика: фундаментальные направления*, Москва: УРСС.
- Пермяков, Г. Л. (1970). *От поговорки до сказки (Заметки по теории клише)*. Москва: Просвещение.
- Habermas, J. (1987). *The theory of communicative action*. Boston: Beacon Press.
- Norrick, N. R. (1994). Proverbial perlocutions. How to do things with proverbs. *Wise Words. Essays on the Proverb*. Ed.by W. Mieder. NewYork, 143-157.
- Van Valin, R. Jr. (1993). *Advances in role and reference grammar*. Amsterdam: Benjamins.